



МОНИТОРИНГ ОБРАЗОВАНИЯ MONITORING OF EDUCATION



<https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202504.711-733>

EDN: <https://elibrary.ru/twdsoi>

УДК / UDC 316.442

Оригинальная статья / Original article

Матrimonиальные стратегии региональной молодежи: типология, диспозиции, динамика¹

И. С. Шаповалова[✉], Ж. О. Благорожева

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация
[✉] shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация

Введение. Эффективные matrimonиальные стратегии – основа формирования демографических показателей и залог достижения результатов национальных проектов, а их трансформация формирует риски и перспективы в воспроизведстве национального человеческого капитала. Несмотря на многочисленные публикации в области демографии, отсутствуют исследования, направленные на системное и комплексное изучение изменений matrimonиальных стратегий молодежи относительно динамики социальной ситуации. Цель исследования – оценить характеристики matrimonиальных стратегий социальных групп региональной молодежи и динамику показателей в условиях прифронтового приграничья.

Материалы и методы. Аналитической основой статьи стали данные мониторингов «Социальные стратегии молодежи» (2021–2023 гг.), а также результаты исследования «Матrimonиальные стратегии молодежи» (2024 г.). Применялась стратифицированная квотная выборка – в качестве групп выступали районы Белгородской области. Выборка формировалась с учетом квот по полу, возрасту и типу поселения респондентов. Широкий охват участников за короткий срок был обеспечен проведением онлайн-опроса через рекрутеров. Техника «горячий рекрутинг» предполагает работу рекрутеров в наборе выборки по методу «снежного кома» с адресной рассылкой информации о проводимой работе и индивидуальным консультированием респондентов по вопросам исследования.

Результаты исследования. Обозначены проблемы рисковых показателей необязательного деторождения среди молодежи в возрасте 18–21 года. Несмотря на связь matrimonиальных диспозиций региональной молодежи с приоритетом семьи и ее ценностями, такая позиция закрепляется с возрастом, что подчеркивает значимость воспитательного воздействия институтов образования для нивелирования демографических рисков. Сформулированы проблемные вопросы гендерных акцентов matrimonиальных диспозиций и выборов, демонстрирующие меньшую ориентированность молодых женщин на семью и деторождение в отличие от мужчин. Выявлены риски девальвации семейных ценностей и снижение значимости matrimonиальных планов для молодежи с низким экономическим доходом.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования вносят вклад в развитие социологии молодежи и семьи. Материалы исследования могут быть востребованы органами управления государственной молодежной политики разного уровня, органами государственного и муниципального управления, молодежными организациями, образовательными учреждениями.

Ключевые слова: молодежь, matrimonиальные стратегии, matrimonиальные диспозиции, государственная политика, семейные ценности, жизненное планирование

¹ Статья подготовлена по итогам защиты кандидатской диссертации 24.03.2025 г., г. Екатеринбург.





Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016 на тему «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шаповалова И.С., Благорожева Ж.О. Матrimonиальные стратегии региональной молодежи: типология, диспозиции, динамика. *Интеграция образования*. 2025;29(4):711–733. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202504.711-733>

Matrimonial Strategies of Regional Youth: Typology, Dispositions, Dynamics

I. S. Shapovalova[✉], Zh. O. Blagorozheva

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation
[✉] shapovalova@bsuedu.ru

Abstract

Introduction. Effective matrimonial strategies are the foundation for demographic indicators and a prerequisite for achieving national project outcomes, while their transformation creates risks and prospects for the reproduction of national human capital. Despite numerous demographic publications, research focusing on the systematic and comprehensive study of changes in youth matrimonial strategies in relation to the dynamics of the social situation is lacking. The objective of this study is to assess the characteristics of matrimonial strategies of social groups within regional youth and the dynamics of indicators in the context of a frontline border region.

Materials and Methods. The analytical basis of this article is derived from data of “Social Strategies of Youth” monitoring (2021–2023) and the results of the “Matrimonial Strategies of Youth” study (2024). The research was conducted using a stratified quota sample, with districts of the Belgorod Region serving as the groups. Quota criteria included gender, age, and settlement type of respondents. Broad participant coverage within a short timeframe was achieved through online surveys conducted via recruiters. The “hot recruiting” technique involves recruiters working on sample recruitment using the “snowball sampling” method, with targeted dissemination of information about the ongoing work and individual consultation for respondents on research questions.

Results. Problems related to risky indicators of non-obligatory childbearing in the 18–21 year old youth group have been identified. Despite the connection between the matrimonial dispositions of regional youth and the priority of family and its values, this position solidifies with age, highlighting the significant role of educational institutions in mitigating demographic risks. Problematic issues concerning gender emphases in matrimonial dispositions and choices have been formulated, demonstrating a lesser orientation towards family and childbearing among young women compared to men. Risks of the devaluation of family values and the diminished significance of matrimonial plans for youth with low economic income have been identified.

Discussion and Conclusion. The results of the study contribute to the development of sociology of youth and sociology of the family. The research materials may be of interest to state youth policy management bodies at various levels, state and municipal administration bodies, youth organizations, and educational institutions.

Keywords: youth, matrimonial strategies, matrimonial dispositions, government policy, family values, life planning

Funding: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016 “Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space”.

Conflict of interest: The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Shapovalova I.S., Blagorozheva Zh.O. Matrimonial Strategies of Regional Youth: Typology, Dispositions, Dynamics. *Integration of Education*. 2025;29(4):711–733. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202504.711-733>

Введение

Молодежь как социальная группа, включающаяся во все виды воспроизведения человеческого капитала, составляет фундамент социально-экономического

и демографического благополучия государства, вызывая интерес с точки зрения статического и прогнозного компонентов. Матrimonиальные стратегии молодежи, формирующие



ее матримониальные отношения, устремления и поведение, являются актуальным объектом демографических и социологических исследований. Реализация молодыми людьми матримониальных стратегий обеспечивает непрерывность демографического роста населения страны и ее регионов².

Эффективные матримониальные стратегии молодежи способны оказать нивелирующее воздействие на существующие риски демографического кризиса – снижение рождаемости, старение населения, высокие показатели внешней миграции. На основании этого строится политика государственной поддержки молодежи (национальный проект «Молодежь и дети») и семьи (национальный проект «Демография», действовавший в период с 2019 по 2024 гг. и перешедший с 2025 г. в новые национальные проекты «Молодежь и дети», «Старшее поколение»), раскрывающаяся в отраслевых, региональных и муниципальных программах. Помощь, содействие и поддержка в реализации матримониальных стратегий молодежи становятся важнейшими задачами для всех уровней государственной политики страны.

Изменение матримониальных стратегий молодежи, характеризующееся формированием новых установок семейно-брачных отношений, моделей поведения и особенностей жизненного планирования, происходит под влиянием социальных, экономических и политических трансформаций в обществе. Такие преобразования формируют неблагоприятные горизонты прогноза демографического будущего и влияют на социальную политику государства, в том числе в вопросе воспроизводства национального человеческого капитала. Данные тенденции требуют особого внимания и изучения³.

Значимость формирования и реализации матримониальных стратегий молодежи для национальной политики обуславливает важность их системного изучения, поскольку поверхностного представления о статистических

показателях недостаточно. Для осуществления демографического прогноза, для предложения программ поддержки и помощи в реализации таких стратегий, для введения мероприятий их коррекции через воздействие социализационных институтов необходим комплексный анализ их трансформации в условиях изменяющейся социальной ситуации (ее возможностей и рисков), специфики их формирования для разных групп молодежи, а также изучение проблемных полей и рисковых тенденций⁴.

Цель исследования – определить риски и перспективы матримониальных стратегий региональной молодежи в разрезе ее демографических групп и динамики показателей.

Обзор литературы

Матримониальные стратегии понимаются авторами статьи как «формируемый и реализуемый в определенных условиях комплекс установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями»⁵. Для целей статьи также необходимо дать понятие эффективности матримониальных стратегий молодежи: эффективными могут быть обозначены стратегии, способствующие развитию института семьи и обеспечению всех видов национального воспроизводства; к неэффективным относятся стратегии, препятствующие развитию института семьи с повышенной вероятностью влияния на его деградацию, а также создающие угрозу для воспроизводства национального человеческого капитала⁶. Под национальным человеческим капиталом понимается «своеобразная форма капитала, включающая накопленные в процессе жизнедеятельности (на основе практического опыта и в результате инвестиций) здоровье, науки, способности, знания, компетенции и мотивации к производительному труду индивидов, имеющие экономическую ценность и реализующиеся в направлении роста благосостояния отдельных экономических субъектов и национального богатства страны в целом» [1].

² Благорожева Ж.О. Матримониальные стратегии региональной молодежи: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург; 2025. 26 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же. С. 16.

Научный дискурс в разрезе освещения темы матrimониальных стратегий молодежи достаточно широк и может быть рассмотрен в нескольких направлениях.

Во-первых, анализ ценностно-мотивационного аспекта матrimониальных стратегий. Данное направление широко представлено исследованиями установок поведения. Реализация задач демографической политики страны объясняет приоритет репродуктивных установок молодежи [2]. Информационно-аналитическая ценность таких работ обусловлена сравнительным анализом возрастной динамики установок [3], а также отслеживанием их трансформации в контексте поколений [4]. Интерес для исследователей представляет проблема бездетности [5], однако доминирующим является нетривиальный подход к изучению установок. Например, Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская и О. Б. Зырянова развенчивают мифы о негативном восприятии мировоззрения молодежи в области брачных стратегий и деторождения, указывая на ошибочную трактовку демографических данных, и показывают позитивный сценарий демографического будущего: «результаты анализа позволяют оценить репродуктивные и матrimониальные установки молодежи скорее позитивно: в сознании молодежи семья сохраняет свое значение как ведущая ценность, наблюдается превращение семьи из нормативно одобряемого паттерна в самоценность, сохраняется достаточно высокая оценка репродуктивной и воспитательной функций семьи, хотя ее роль видится в первую очередь во взаимной поддержке и совместном проведении досуга» [6]. Несмотря на такой ракурс анализа (который выглядит доказательным и правомерным), ценными также являются работы, подчеркивающие проблемность демографических показателей и актуализирующие вопрос о формировании демографических установок молодежи [7].

Приоритетное внимание к вопросу репродуктивного поведения не снижает важности исследований установок молодежи на создание традиционной и благополучной семьи. Развитию и реализации традиционных форм семьи,

поддержке ее института препятствует либерализация взглядов как основная проблема изменения образа семьи в по-коленческом разрезе [8]. Также молодая семья представляется как «ускользящий» феномен современного общества в результате трансформации брачных форм [9]. Подчеркиваются трудности становления молодой семьи, раскрытия ее потенциала, связанные с конфликтом стратегий – семейных, образовательных, трудовых и др. [10].

В рамках изучения ценностно-мотивационного комплекса матrimониальных стратегий особое внимание уделяется семейным ценностям молодежи как объекту самостоятельного исследования [11] и как элементу всей ценностной системы [12]. В связи с существующими акцентами национальной идеи актуальность приобретают исследования, связанные с традиционностью данных ценностей [13] и рисками распространения альтернативных матrimониальных идеологий в молодежной среде [14]. Проблемность и риски формирования ценностно-мотивационной основы матrimониальных стратегий подчеркиваются рядом авторов [15–17], однако немногие предпринимают попытки поиска путей влияния на формирование таких ценностей у молодежи [18] (хотя бы и на основе анализа рефлексии молодежного общественного мнения).

Во-вторых, изучение поведенческого комплекса включает жизненное планирование, оценку реального опыта, поведенческих моделей, а также формирование запроса молодежи на помочь в реализации матrimониальных стратегий. В этом ряду наибольшее внимание направлено на анализ потенциального и реального семейно-брачного поведения молодежи [19; 20], однако некоторые работы позволяют посмотреть на матrimониальные стратегии молодежи под более широким углом (в том числе и в ретроспективном анализе их изменений) [21], например, в соединении их с другими социальными стратегиями [22].

Таким образом, фиксируется определенный дефицит научного знания, связанный с соединением вышеуказанных направлений анализа. Это позволило бы увидеть пролонгацию установок



и мотивов в жизненном планировании и опыте матримониального поведения, обеспечив тем самым более точный прогноз демографических результатов, связанных с реализацией матримониальных стратегий молодежи.

Материалы и методы

Участники. Статья опирается на результаты мониторингов «Социальные стратегии молодежи Белгородской области» (2021 г., $n = 2\,948$; 2022 г., $n = 6\,917$; 2023 г., $n = 5\,881$; возраст 16–35 лет) и «Матримониальные стратегии молодежи» (2024 г., $n = 1\,513$ (молодежь Белгородской области в возрасте 16–35 лет)). Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству. Исследования проводились по стратифицированной квотной выборке. В качестве групп выступали районы Белгородской области, их представленность обеспечивалась соблюдением процентного соотношения молодежи на данных территориях. Квотными признаками стали пол, возраст, тип поселения респондентов. Дополнительным условием отбора выступили группы молодежи: учащаяся, студенческая и работающая. Процентные соотношения квот в выборке были обеспечены на основе данных региональной статистики.

Методы и инструменты. Техника «горячий рекрутинг» предполагает работу рекрутеров по набору выборки методом «снежного кома» с возможностью адресной рассылки информации о проводимой работе и индивидуального консультирования участников по вопросам исследования. Подобный онлайн-опрос позволяет обеспечить максимальный доступ к различным группам участников (с учетом условий приграничного региона удалось опросить жителей районов и поселений, близких к фронту), снижает их сопротивляемость, повышает доверие к исследованию, уменьшает риск предоставления недостоверной информации, обеспечивает участие социальных меньшинств (национальных и конфессиональных групп, социально уязвимых групп, представителей субкультур). К участию были привлечены 247 рекрутеров, проживающих на территории Белгородской области.

Анализ данных был проведен с использованием методов одномерного и двумерного описательного анализа с применением приемов ранжирования (в том числе при построении факторных моделей принятия решений молодежью) и группировки данных.

Дизайн исследования. В рамках исследования предлагается рассмотреть вопросы матримониальных установок и диспозиций молодежи в динамике, а также отношение различных социальных групп (гендерных, возрастных, поселенческих, экономических); пролонгацию установок в потенциальный поведенческий комплекс и первичный опыт реализации жизненных планов.

В статье проанализированы следующие показатели:

- приоритетность ценности семьи для региональной молодежи (пример инструментального вопроса: «Какие ценности являются для Вас наиболее важными?»);
- диспозиции молодежи в отношении института семьи (пример вопроса: «Какое из утверждений наиболее точно характеризует Вашу позицию?»);
- жизненные планы молодежи в сфере матримониальных стратегий (пример вопроса: «Насколько важно для Вас в будущем предпринять следующие шаги, где «обязательно» значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия (если Вы уже реализовали какие-то из предложенных вариантов, отметьте их как обязательные)»);
- причины вступления и не вступления в брак (пример вопросов: «Что из перечисленного оказало влияние на Ваше решение вступить в брак?»; «По каким причинам Вы не хотите/ можете отказаться от вступления в брак?»);
- причины принятия решения о рождении ребенка или отказа от такого решения (пример вопроса: «Что может повлиять на Ваше принятие решений о рождении или не рождении ребенка (детей)?»).

Результаты исследования

Фундаментальным акцентом анализа становится определение ценностно-мотивационных основ формирования матримониальных стратегий молодежи.

Ключевым моментом является ценностная иерархия, т. е. место семьи в общем ряду ценностей, а также косвенная оценка ее важности для современной молодежи. Рассматривая динамику ранговых значений в изменении приоритетов счастливой семейной жизни в региональных исследованиях, мы наблюдаем ее смещение к более значимым позициям: в 2020 г. данная ценность для молодежи стояла на 8-м месте (уступая здоровью, любви, активной деятельной жизни, материальной обеспеченности, интересной работе, верным друзьям и даже жизненной мудрости), однако в 2023 г. ценность семьи и ее значимость для региональной молодежи выходит на 2-е место (уступая только карьере и интересной работе, при небольшом статистическом разрыве в выборах: 60,2 % – семья и 61,1 % – карьера) (мониторинг «Социальные стратегии молодежи»)⁷.

Такая динамика обусловлена особенностями приграничной территории исследования. Во-первых, с каждым годом все более заметно присутствие в выборке молодежи поколения Z – акцент на семье для них очевиден, и взгляды данной молодежи формируют ведущий фон общественного мнения в молодежной среде. Во-вторых, не остаются безрезультатными усилия социализационных институтов (выполняющих функции социализации молодежи, в том числе в вопросе формирования матrimониальных стратегий – институт семьи, образования, культуры, религии, государства, молодежной политики, СМИ и др.) в поддержке государственных приоритетов, которые определяют семью как основу национальной идеи, а ее традиционность – как значимые смыслы воспитания молодежи, а также усиливают границы допустимости альтернативных матrimониальных стратегий, подрывающих ценность института семьи⁸. В-третьих, переоценка ценностей в условиях повышенной рискогенности среды приграничного региона (Белгородской области) приводит к реинкарнации «вечных» ценностей,

обращению к наиболее важным ценностным артефактам. С начала 2022 г. приоритетными осознаются страх за семью и близких, важность контактов с ними. Риск потери родных становится главным и реальным риском для белгородской молодежи [23].

Увеличение миграционных потоков в молодежной среде в первую очередь затрагивает региональную молодежь с низким «индексом оседлости» (с невысокой привязанностью к «малой родине», слабыми связями с родными и близкими, отсутствием желания остаться в месте своего рождения в условиях недостаточного накопления социального капитала), для которой характерны иные жизненные установки: самореализация и карьерные устремления. Выбывая из генеральной совокупности, они тем самым уменьшают вероятность выбора таких ценностей в качестве приоритетных в общем масштабе исследования⁹.

При изучении агентных моделей относительной важности ценности семьи стоит отметить некоторые акценты для прогноза формирования матrimониальных стратегий молодежи:

1. Несмотря на приоритетность ценности семьи для обоих полов (2-е место), среди мужчин она более значима (61,8 %), чем для женщин (59,1 %). Такое распределение связано с феминизацией, трансформацией ролевой модели семьи, повышением приверженности альтернативным семейным стратегиям среди женского населения [14].

2. Ценность семьи для белгородской региональной молодежи сельских поселений находится на 1-м месте, однако ее статистические показатели среди молодежи крупного города выше (сельская молодежь – 59,9 %, молодежь крупного города – 61,6 %, малого города – 58 %). Подобное разделение рангов обусловлено разными условиями социализации, укладом жизни и неравенством в возможностях самореализации (например, в карьере, ценность которой для городской молодежи стоит на 1-м месте), отдаленностью сельской молодежи от «модных» тенденций, влияющих на формирование альтернативного ценностного ряда.

⁷ Благорожева Ж.О. Матrimониальные стратегии региональной молодежи: дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург; 2025.

⁸ Там же.

⁹ Там же.



3. Агентные модели, основанные на материальном положении региональной молодежи и их семей, показали, что повышение благосостояния способствует лучшему пониманию ценности семьи среди молодежи. Так, экономически благополучная молодежь активнее других групп акцентирует внимание на важности семьи (66,0 %), при этом малообеспеченные молодые люди ценят ее в меньшей степени (разница составляет более 20 процентных пунктов – 44,7 %). В данном случае стоит упомянуть ресурсный подход: для первой группы семья предоставляет гораздо больше ресурсных возможностей (прежде всего, материальных) для реализации социальных стратегий, что обуславливает ее повышенную значимость (помимо всех других функциональных значений семьи).

4. Существует динамика деятельностного статуса молодых людей. Для работающей молодежи статус семьи как ценности несколько ниже (57,6 %), чем для учащейся (60,4 %) и студенческой молодежи (61,3 %), что обусловлено социальными последствиями параллельного развития семейной жизни и трудовой карьеры¹⁰.

Восприятие ценности семьи трансформируется в диспозиции, образуя четыре основных типа:

– традиционный (определение приоритета традиционных семейных ценностей, ориентация на консервативные модели матримониального поведения, стремление к реализации эффективных традиционных матримониальных стратегий, по возможности, с линейным циклом их воспроизведения);

– либеральный (принятие альтернативных матримониальных стратегий, нивелирование ценности традиционного института семьи; использование понятия «свободы» в определении семейных форм, ролей и функций приводит к рискам недостижения желаемого результата (прочной семьи и рождения детей) и цикличности воспроизведения матримониальных стратегий);

– эгоцентричный (определение в качестве приоритета личностного развития и карьерных установок, ориентация на

матримониальные формы, которые не мешают реализовывать другие стратегии, отсутствие акцента на самореализации в семье), особым риском для которого становится отсроченное воспроизведение этапов матримониальных стратегий: выбора брачного партнера, брака, деторождения;

– неформальный (отрицание института семьи, отказ от общепринятых форм матримониальных отношений, выбор альтернативных вариантов: гражданский брак, промискуитетное поведение, безбрачие, чайлдфри и др.), реализующий, как правило, неэффективные матримониальные стратегии¹¹.

Распределение данных диспозиций в 2023 г. показало, что в Белгородской области преобладающим является традиционный тип, однако треть молодежи относит себя к либеральному типу, эгоцентричный – не достигает и 10 %, а неформальный – остается в абсолютном меньшинстве («Социальные стратегии молодежи»).

Анализ динамики представленности типов позволяет отследить определенные тенденции повышения ориентации молодежи на традиционную семью и снижения значимости свободы в матримониальном выборе (табл. 1). Такая динамика комплементарна изменениям ценностных рангов за последние 4 года и имеет аналогичные причины: смена генераций в выборке, воздействие социума, социальные кризисы территорий, миграционная трансформация структуры региональной молодежи.

В разрезе гендерной специфики стоит отметить, что традиционный тип диспозиций более характерен для мужчин (58,2 %, у женщин – 52 %). Женщины чаще склоняются к мнению, что каждый человек имеет право самостоятельно выбирать модель семьи (35,3 %, у мужчин – 31,0 %), и саморазвитие может преобладать над ее созданием (9,3 %, у мужчин – 6,4 %). Подобное ранжирование статистических акцентов вновь подчеркивает проблему трансформации гендерных ролей и ценностных систем у мужчин и женщин. Гипотетически можно предположить большую ориентацию молодых женщин на идеологии глобализации и вестернизации.

¹⁰ Благорожева Ж.О. Матримониальные стратегии региональной молодежи.

¹¹ Там же.

Таблица 1. Изменение показателей типов matrimonиальных диспозиций среди молодежи Белгородской области, %¹²

Table 1. Changes in types of matrimonial dispositions among young people in the Belgorod Region, %

Тип matrimonиальной диспозиции / Type of matrimonial disposition	Годы / Years		
	2021	2022	2023
Традиционные семейные ценности: семья – это мужчина и женщина, их дети / Traditional family values: a family is a man and a woman, and their children	45,0	55,5	54,9
Семья – это важно, однако, что считать семьей и с кем ее заводить – дело каждого / Family is important, but what constitutes a family and who to have one with is up to each individual.	39,6	31,1	32,8
Семья имеет большое значение, однако личность и ее саморазвитие в приоритете / Family is important, but personality and self-development are a priority.	10,9	9,0	9,4
Семья необязательна для человека – это рамки, обязательства и формальности / Family is not mandatory for a person – it is a framework, an obligation, and a formality	4,5	4,4	2,9

Источник: составлено авторами.

Source: Compiled by the authors.

¹² Благорожева Ж.О. Матrimonиальные стратегии региональной молодежи.

В структуре разных групп молодежи фиксируются определенные возрастные особенности распределения по диспозиционным типам. Работающая молодежь чаще придерживается традиционных диспозиций в отношении института семьи (64,7 %). Либеральный тип преобладает среди учащейся молодежи (38,5 %), а ориентация на приоритет собственного саморазвития – среди студенческой. Эгоцентричный тип чаще представлен в группах студенческой (9,4 %) и учащейся молодежи (8 %). Неформальный тип как модель поведения чаще выбирается учащейся и работающей молодежью (4,4–4,5 %). Такие акценты доказывают вероятность возрастной динамики в отношении либерального типа, связанного в том числе с поиском мировоззренческих позиций, следованием социальной моде, попытками интериоризации альтернативных идеологий, а также наличием потребностей в самоутверждении и самовыражении на определенных возрастных этапах (что особенно характерно для учащейся молодежи).

Динамика соотношения типов в разных возрастных группах приводит к выводу о наличии эффекта «доростания»

молодежи до осознания значимости семьи, важности данного института в жизни каждого человека. Нельзя исключать и роль институтов социализации – каждое образовательное учреждение разрабатывает и реализует программы семейного воспитания, осуществляя функцию проводника важных национальных смыслов и ориентиров. Ключевым фактором является период реализации matrimonиальных стратегий – возраст поиска брачного партнера, заключения брака и рождения детей становится мотивом определения атTRACTора в выборе традиционных диспозиций.

Поселенческий фактор также вносит свои корректиры в конфигурацию выбора matrimonиальных диспозиций, показывая, что социализационные процессы в сельской местности чаще приводят молодежь к выбору традиционного восприятия семьи, а крупный город актуализирует либерализацию сознания и выбор свободы в отношении семейных форм для молодежи. Социальное пространство сельских поселений реже продуцирует либеральные смыслы и варианты выбора альтернативных брачных форм. Возможно, жизненный

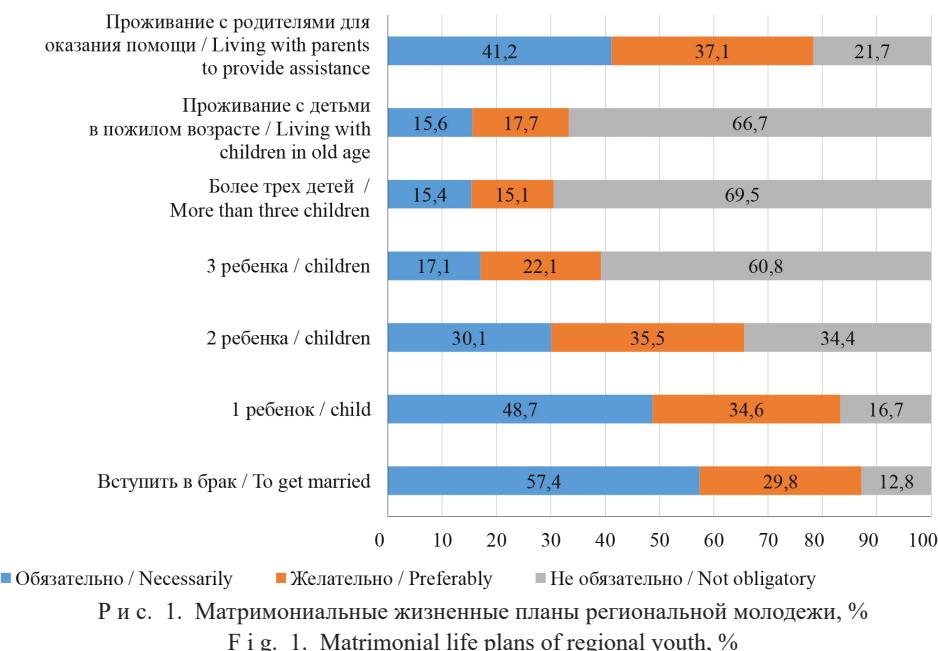
уклад является барьерным фактором для формирования такого рода установок среди молодежи.

На основе ценностного фундамента формируется поведенческий комплекс, представленный в жизненном планировании и реализации матримониальных планов молодежью. Участникам исследования было предложено оценить жизненные шаги по степени важности (обязательно, желательно и необязательно). Так, в отношении жизненного выбора о заключении брака как обязательного жизненного решения говорят 57,4 % молодежи (в 2022 г. – 51,0 %), а необязательным такой шаг для себя считают 12,7 % (в 2022 г. – 17,7 %) (рис. 1 и 2; «Социальные стратегии молодежи»).

С одной стороны, мы видим положительную динамику в стремлении к официальным брачным отношениям (с учетом выбора «желательно», показатель стремится к 90 %), однако, с другой – потенциал безбрачия и выбора неэффективных форм семейных отношений составляет более 12 %. Положительная динамика в стремлении к заключению брака может объясняться влиянием изменения структуры выборки

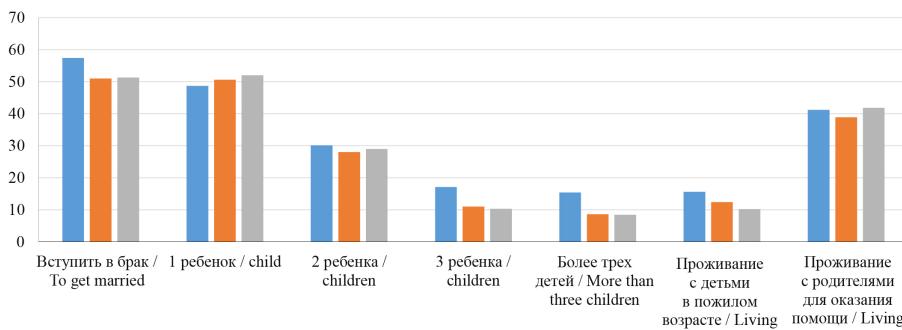
(например, большим участием в ней поколения Z) и ситуацией высокого риска в связи с прифронтовой реальностью, повышающим значимость института семьи как гаранта стабильности. Нельзя исключать результативность целенаправленного воздействия национальных проектов и популяризацию семьи и брака через систему воспитания учащейся и студенческой молодежи. Влияние национальной политики и изменение акцентов воздействия институтов социализации можно увидеть на показателях репродуктивного планирования молодежи: положительный выбор в принятии решения о рождении одного или двух детей увеличивается в 2023 г. более чем на 3 %, а выбор в пользу многодетной семьи возрастает почти на 8 % по отношению к 2021 г.

Имеются определенные изменения в стратегии построения расширенной семьи как одного из индикаторов развития семейного института. Так, положительный выбор в пользу проживания со своими детьми возрастает в 2023 г. почти на 5 % по сравнению с 2021 г. Неизменным остается выбор совместного проживания со своими родителями в период их старости (практически 80 %).

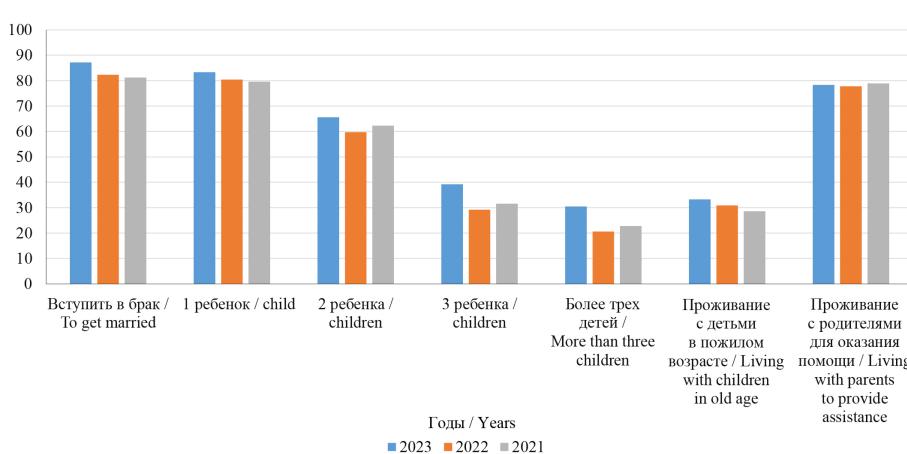


Источник: составлено по [24].

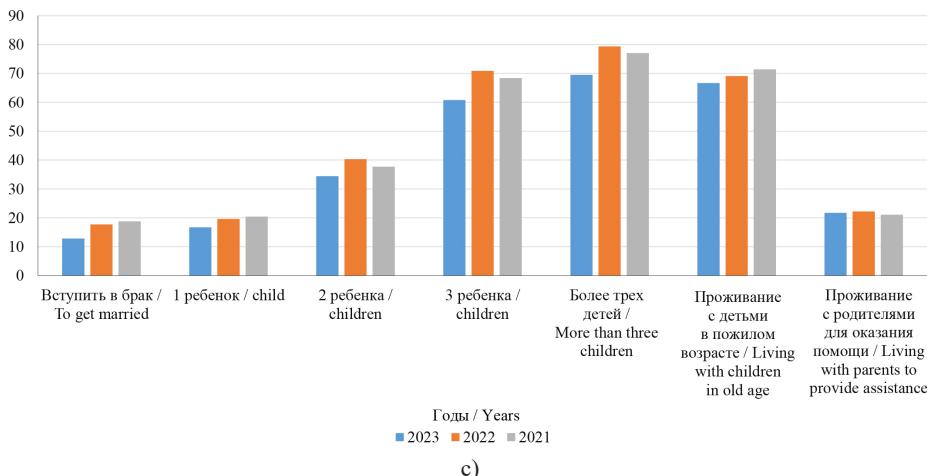
Source: Compiled on [24].



a)



b)



c)

Р и с. 2. Динамика жизненных планов молодежи в реализации матrimониальных стратегий:

а) обязательный выбор, б) положительный выбор, с) необязательный выбор, %

F i g. 2. Dynamics of life plans of young people's implementation of matrimonial strategies:
a) mandatory choice, b) positive choice, c) optional choice, %

Источник: здесь и далее в статье все рисунки составлены авторами.

Source: Hereinafter in this article all figures were drawn up by the authors.



С целью расширения анализа матримониальных жизненных планов молодежи были заданы дополнительные вопросы, уточняющие их установки, мотивы и ценности («Матримониальные стратегии региональной молодежи»), а также позволяющие выявить основные тенденции в реализации матримониальных этапов. Так, удалось зафиксировать устойчивый тренд на увеличение брачного возраста, который концентрируется для молодежи в периоде 25–29 лет (50,9 %), другим актуальным периодом является возраст 18–24 года (37,7 %), при этом среди мужчин выбор этого периода значительно ниже, чем у женщин (25,1 % и 41,0 % соответственно). Также юноши существенно чаще выбирают в качестве брачного возраста период 30–35 лет (практически 10 %), что может указывать на ориентацию на брак с существенной разницей в возрасте.

Несмотря на текущую обстановку и тенденции к повышению ценности семьи (что связано со сложной региональной обстановкой Белгородской области), данные регионального исследования подтверждаются сходной ситуацией, отмечаемой в других регионах и в целом по стране. Жизненные планы молодежи сопоставимы с итогами демографической статистики и показывают негативную, с точки зрения «эффективных» национальных матримониальных стратегий, динамику увеличения желаемого возраста вступления в брак. Исследование ВЦИОМ (2022 г.) свидетельствует о том, что наиболее подходящим возрастом вступления в брак для мужчины российские жители считают 28 лет, а для женщины – 24 года. Результаты подобного опроса россиян (2017 г.) показывают, что для мужчин оптимальный возраст вступления в брак составляет 27 лет, а для женщины – 23 года¹³. Однако данные исследования включают в выборку население страны в целом. Опрос студентов МГУ им. Н. П. Огарёва демонстрирует, что оптимальным возрастом вступления

в брак считаются периоды 23–27 лет (56,0 %) и 28–32 года (23,7 %) [25]. Молодежь г. Ростова-на-Дону признает наиболее подходящим возрастом для вступления в брак 25–29 лет (50,0 %) [9]. Согласно итогам исследования Л. А. Журавлевой, Е. В. Зарубиной и др., одобряемый возраст вступления в брак для 90,0 % опрошенных находится в пределах 25–28 лет [26]. Сравнивая показатель брачного возраста с исследованиями более раннего периода, можно отследить медленное, но устойчивое его повышение, что находит свое подтверждение в демографической статистике.

На основании ранжирования ответов молодых людей, вступивших в брак, удалось построить факторную модель принятия ими такого решения. Наиболее важными причинами стали любовь, продолжительные отношения, желание родить ребенка и мнение партнера (рис. 3) («Матримониальные стратегии региональной молодежи»).

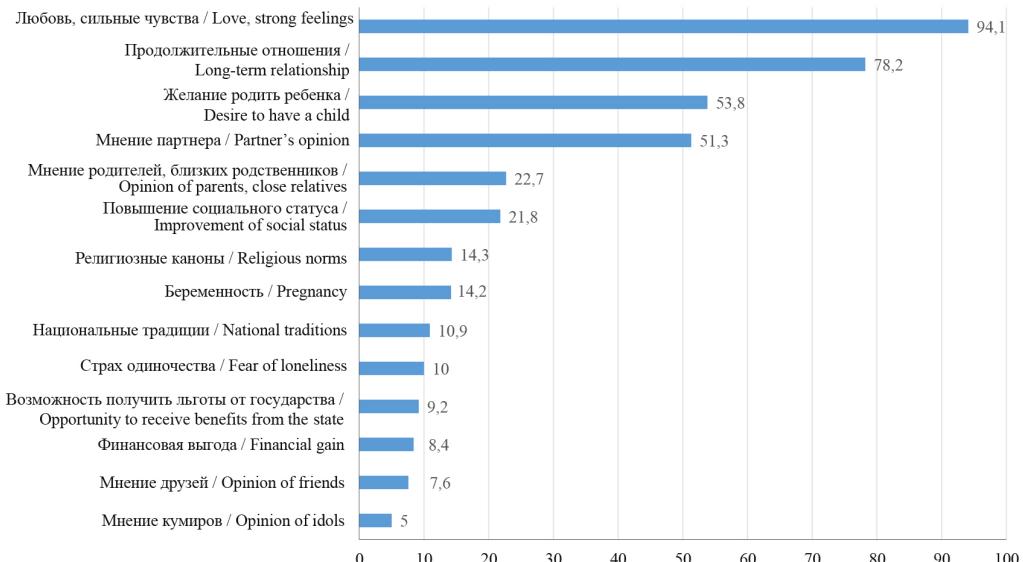
Превалирование первого фактора (94,1 %) открывает для нас ведущую семейную ценность, второй – указывает на закономерность воспроизведения матримониальных стратегий. Однако при наблюдении за обстоятельствами прекращения брака (причины развода) отмечается преобладание для современной молодежи всех форм неприемлемого поведения (физическое насилие, измена, зависимость, психологическое насилие), а утрата чувств стоит только на 5-ом месте (34,8 %), предполагая тем самым, что семья – не только любовь и эмоции, но прежде всего взаимное уважение и ответственность¹⁴.

Была получена и «обратная» факторная модель, позволяющая увидеть основания для отказа от брака, а также обстоятельства отложенного решения. Ведущими причинами становятся объективная реальность, связанная с отсутствием подходящего партнера (т. е. отсутствие реализации одного из этапов матримониальных стратегий), другие приоритеты и психологическая негативность (рис. 4).

К наиболее востребованным критериям выбора брачного партнера молодежь в 2024 г. относит доброту (25,1 %),

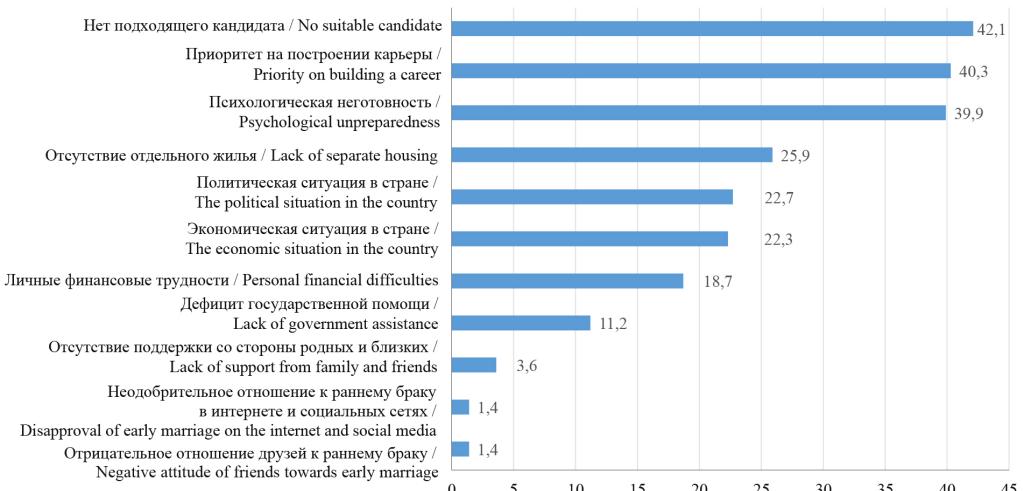
¹³ Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vозраст-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения: 09.02.2025).

¹⁴ Благорожева Ж.О. Матримониальные стратегии региональной молодежи.



Р и с. 3. Факторная модель принятия решения о вступлении в брак:
анализ ответов респондентов, %

F i g. 3. Factorial model of marriage decision-making:
analysis of respondents' answers, %



Р и с. 4. Факторная модель принятия решения
о невступлении в брак (по ответам респондентов), %

F i g. 4. Factorial model of the decision not to get married
(based on respondents' answers), %

честность (22,1 %) и любовь (17,6 %). Немаловажными также становятся качества уважительного отношения к партнеру (15,4 %), заботы о нем (15,0 %) и ум (14,2 %). Рейтинг отрицательных качеств, которые молодые люди считают неприемлемыми в своем брачном партнере, возглавляют неуверенность в себе (23,2 %), наличие вредных привычек (21,0 %), эгоистичность (19,5 %) и лживость (18,4 %). Такие, на наш

взгляд, асоциальные черты, как подлость, агрессивность, склонность к насилию, расизм и сексизм, выбирают менее чем 3 % молодежи (1,1–2,6 %). Отрицание возможности столкновения с данными качествами, выведение их в разряд исключительных и, соответственно, не заслуживающих внимания, создает риск «снятия их с контроля» и фиксации уже на более поздних этапах отношений, что создает риск неэффективного результата

этапов воспроизведения матrimониальных стратегий¹⁵.

Каналы взаимодействия с будущим партнером формируют представления о наиболее актуальных пространствах для знакомства современной молодежи. Так, востребованными остаются знакомства «методом снежного кома», т. е. через общих друзей, референтные группы (83,1 %). Вторыми по популярности пространствами взаимодействия становятся вуз (50,6 %) и работа (45,7 %). Социальные сети, вопреки стереотипам, популярны только среди 31,8 % молодежи (при этом для формирования новых тенденций матrimониальных коммуникаций это достаточно весомый показатель). Пространства спортивной инфраструктуры как место для знакомства выделяют 14,2 % молодежи, что также можно обозначить как новый тренд в коммуникациях с брачным партнером.

Поскольку наиболее важным этапом матrimониальных стратегий для демографии является принятие решений о деторождении, нами была построена факторная модель, позволяющая увидеть, что будет считаться основой при решении о рождении ребенка (рис. 5).

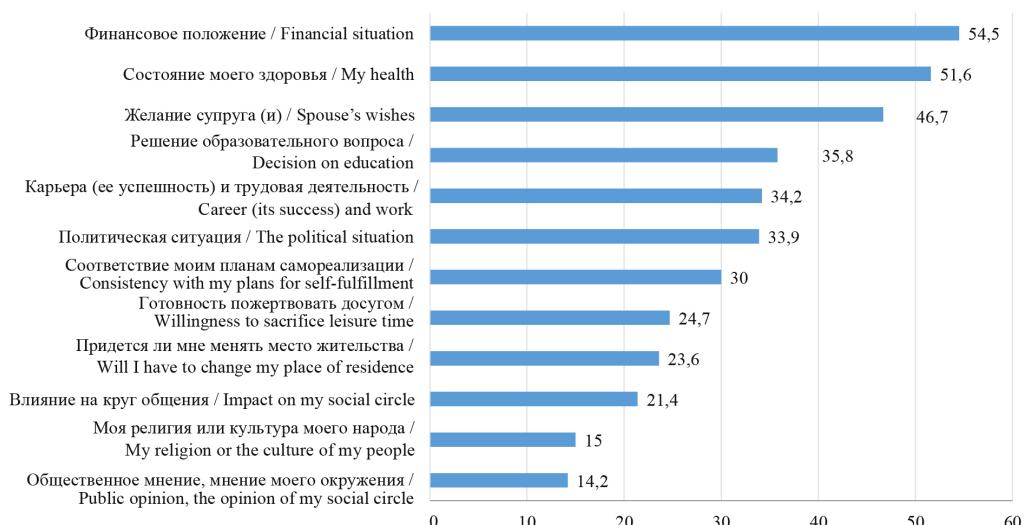
Построение указанной модели позволило разделить факторы принятия

решений на группы важности. В первую группу вошли финансовое положение, состояние здоровья и желание супруга(и). Важность всех остальных условий разделяют менее 40 % молодых людей, и среди них актуальны вопросы образования (что объясняется возрастным выбором когорт учащейся и студенческой молодежи), карьеры и трудовой деятельности, политической ситуации и самореализации. Первые три фактора подчеркивают силу воздействия на итог такого важного решения, как рождение ребенка; успешности реализации экономической и самосохранительной стратегий, а также совпадения матrimониальных установок, мотивов и целей у супружеских пар.

Наилучшим возрастом для деторождения большинство молодежи признает период 25–29 лет (58,4 %), а 26,4 % опрошенных (0,4 % до 18 лет) планируют рождение ребенка до достижения этого возраста.

Одним из аспектов жизненного планирования становится выбор расширенной семьи (совместное проживание с родителями в случае необходимости или с собственными детьми). Положительная динамика в определении данных жизненных решений показывает возможность выбора соответствующего социального ориентира для демографической политики.

¹⁵ Благорожева Ж.О. Матrimониальные стратегии региональной молодежи.



Р и с. 5. Факторная модель репродуктивных установок и матrimониальных стратегий региональной молодежи, %

F i g. 5. Factorial model of reproductive attitudes and matrimonial strategies among regional youth, %

Преемственность семейных ценностей и влияние родительской семьи на собственное матримониальное поведение в той или иной степени отмечают 77,2 % молодежи, при этом 11,6 % – хотели бы создать собственную семью по образцу родительской, а 35,2 % – лишь внести незначительные корректизы. Образ родительской семьи как негативный опыт определяет только 13,2 % молодежи (табл. 2). Таким образом, родительская семья выступает значимым актором формирования матримониальных установок молодежи и влияния на ее матримониальные стратегии.

«Одним из доказательств влияния института семьи уже на федеральном уровне становятся также данные статистики выборочного наблюдения Росстата относительно планируемого количества детей в зависимости от количества детей у матерей респондентов. По представленным данным видно, как в арифметической прогрессии возрастает среднее число желаемых и ожидаемых детей и у мужчин, и у женщин. Родительская семья своим примером формирует определенные репродуктивные установки и семейные ценности, и вероятность большего количества детей возрастает с наличием положительного опыта таких решений в семье респондентов» [27].

Анализируя динамику матримониальных стратегий молодежи, можно отметить ее интенсивное проявление в изменении ценностных ориентаций молодых людей: возрастает важность и ценность семьи. Об этом также свидетельствует увеличение ориентации среди молодежи на традиционные матримониальные отношения (в динамике с 2021 г.). Научным результатом является гендерная трансформация отношения к семье – для мужчин семья и ее традиционные основы становятся более важными, чем для женщин.

Временно отсутствует возможность обсуждения смены репродуктивных установок: многодетная семья по-прежнему не является приоритетом для молодежи. Фундаментом для принятия решения о рождении ребенка становится рациональная оценка ситуации благосостояния и возможностей молодой

семьи, что может играть роль рискового фактора в выборе вариантов репродуктивных стратегий.

Обсуждение и заключение

Определение рисков и перспектив в матримониальных стратегиях молодежи позволяет прийти к следующим выводам и заключениям.

Трансформация ценностных предпочтений молодежи определяет ценность семьи как один из приоритетов в молодежном самосознании. Акценты в социализации, сделанные институтами образования и воспитания, позволили повысить важность матримониальных устремлений в жизненных планах молодежи. Динамика большинства показателей жизненных стратегий демонстрирует перспективы для достижения демографических задач и укрепления значимости семейного института как национальной идеи. Потенциалом развития в диагностике матримониальных стратегий молодежи можно назвать явную возрастную динамику поддержки традиционных матримониальных диспозиций – как закономерный процесс созревания сознания и итог эффективного социального воздействия со стороны социальных институтов.

Одновременно с позитивными изменениями стоит обратить внимание на существующие риски. Так, ценность семьи в иерархии ценностей региональной молодежи «борется» за первенство с ценностью карьеры. Выбор в пользу карьеры закрепляет уже обозначившуюся тенденцию на увеличение возраста вступления в брак и рождения детей, уменьшает вероятность рождения более трех детей.

Последствия такого выбора деформируют мировоззрение молодых женщин – исследование показало, как отличаются их точки зрения в отношении матримониальных планов в сравнении с мнением юношей (табл. 3). Это касается обязательных и положительных выборов относительно принятия решения о необходимости брака, желания иметь детей, их количества и ориентации на расширенную семью. Мужчины во всех случаях показывают большее желание в реализации этих жизненных шагов, что

Таблица 2. Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от числа детей, рожденных матерью респондента¹⁶

Table 2. Average desired and expected number of children depending on the number of children born to the respondent's mother

Число детей, рожденных матерью респондента / Number of children born to the respondent's mother	Женщины / Women		Мужчины / Men	
	Среднее желаемое число детей / Average desired number of children	Среднее ожидаемое число детей / Average expected number of children	Среднее желаемое число детей / Average desired number of children	Среднее ожидаемое число детей / Average expected number of children
1	1,73	1,54	1,70	1,52
2	2,03	1,84	1,99	1,79
3	2,25	2,01	2,22	2,00
4	2,57	2,33	2,52	2,24
5 и более / 5 or more	2,92	2,67	2,99	2,58

Источник: составлено по [27].

Source: Compiled on [27].

¹⁶ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 05.02.2024).

указывает на трансформацию гендерных ролей и моделей гендерного поведения, подтверждая их большую ориентацию на традиционную семью, более высокую готовность к расширенной семье; косвенно выводит на эмпатию, сострадание и ценность родства, т. е. на привычные представления о женских качествах и ее центральное положение в семейном укладе и традициях, которые теперь демонстрируют мужчины.

Разница в матримониальных планах молодежи разных поселений выявляется при планировании деторождения – несмотря на существующие стереотипы о большей предрасположенности сельских жителей к созданию многодетных семей, жизненные планы молодежи противоречат данному стереотипу. При большей ориентации на вступление в брак и рождение одного ребенка у молодых людей из сельских поселений последующее деторождение больше поддерживается городской молодежью.

Поселенческий фактор приобретает стратификационный характер в вопросах многодетности, что связано с разницей в качестве жизни, возможностью ресурсного обеспечения рождения детей и становится ограничением в планировании таких шагов для сельской молодежи.

Выявлен высокий стратификационный потенциал фактора экономического

благополучия молодежи и их семей. Молодые люди с более низким экономическим статусом демонстрируют меньшую ориентацию на создание семьи, рождение детей и поддержку родителей, что обусловлено нивелированием значимости института семьи для данной группы. Можно предположить, что семья не воспринимается молодежью как ресурс поддержки в реализации жизненных стратегий, осознается риск дополнительной ответственности (в том числе и экономической), возникающей в связи с созданием семьи и рождением детей.

Удается более точно определить возрастные группы формирования рисковой зоны необязательных выборов относительно важных в демографическом плане шагов. Так, желание вступить в брак как обязательный выбор реже других демонстрирует студенческая и работающая молодежь до 30 лет (порядка 14 %). Выбор студенческой молодежи может быть объяснен с позиции отсроченной актуальности брачного определения (в связи с возрастом), при этом для работающей молодежи в возрастном периоде 26–31 года этот этап жизненного планирования выходит на стадию реализации, и отказ от него может приводить к дальнейшей трансформации матримониальных стратегий.



Таблица 3. Матrimonиальные жизненные планы различных социальных групп молодежи (выбор варианта «обязательно» в ответе на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги?»), %

Table 3. Matrimonial life plans of different social groups of young people (choosing the option “required” in response to the question “How important is it for you to take the following steps in the future?”), %

Жизненные планы / Life plans	Пол / Gender		Вид поселения / Kind of settlement		Статус молодежи / Youth status		Уровень экономического благополучия / Level of economic well-being		Возраст / Age							
	Мужчины / Men	Женщины / Women	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settle- ment	Уча- щаяся / School- children	Студен- ческая / Students	Рабо- туюшая / Working youth	Высо- кий / High	Средний / Average	Низ- кий / Low	16–17	18–21	22–25	26–30	31–35
Вступить в брак / To get married	59	55	56	56	59	57	57	58	65	53	42	61	56	58	55	60
1 ребенок / child	51	46	48	47	50	48	49	48	54	45	33	52	48	51	46	46
2 ребенка / children	36	26	31	29	28	33	25	34	40	25	20	32	24	33	28	41
3 ребенка / children	23	12	20	14	14	23	11	17	26	10	15	24	10	16	14	22
Более трех детей / More than three children	23	10	19	13	11	22	8	14	26	8	11	23	8	14	10	17
Проживание с детьми в пожи- лом возрасте / Liv- ing with children in old age	22	10	18	13	13	22	9	14	26	9	11	24	9	14	10	17
Проживание с родителями для оказания помощи / Living with parents to provide assis- tance	44	39	42	36	42	46	37	38	50	37	31	48	38	35	39	38

Источник: адаптировано из [24].
Source: adapted from [24].



В реализации репродуктивных решений рисковой группой можно считать молодежь в возрасте 18–21 года – именно они демонстрируют наименьшие показатели в решении о рождении детей. Такая ситуация не исключает возможность уменьшения возраста репродуктивного бенефиса для молодых людей.

Таким образом, исследование позволяет установить ключевые тенденции в отношении матримониальных стратегий молодежи:

1. Повышение ценности семьи. Зафиксирована позитивная динамика в ценностной иерархии молодежи. Счастливая семейная жизнь в рейтинге жизненных приоритетов (2020–2023 гг.) переместилась с 8-го на 2-е место, уступая лишь карьере и интересной работе с минимальным разрывом, что объясняется сменой поколений (доминированием поколения Z), целенаправленной работой институтов социализации, пропагандой традиционных семейных ценностей, а также переоценкой ценностей в условиях повышенной рискогенности приграничной территории.

2. Доминирование традиционной диспозиции с элементами либерализации. Сформирована типология матримониальных диспозиций с преобладанием традиционного типа (54,9 % в 2023 г.), ориентированного на консервативные модели семьи. Однако значительная часть молодежи (32,8 %) придерживается либерального типа, допускающего альтернативные формы семейных отношений.

3. Гендерная и поселенческая дифференциация молодежи в отношении матримониальных стратегий:

– гендерный аспект (традиционные диспозиции более характерны для мужчин, при этом женщины демонстрируют большую склонность к либеральным и эгоцентричным взглядам, что свидетельствует о трансформации гендерных ролей и большей восприимчивости женщин к глобализационным тенденциям);

– поселенческий аспект (среди молодежи сельских поселений обнаруживается более высокая приверженность традиционной модели семьи, в то время как в крупных городах выше доля либеральных установок, что связано

с различиями в социализации, образе жизни и доступности информации и примеров выбора альтернативных идеологий).

4. Позитивная динамика жизненных планов. На укрепление репродуктивных и семейных ориентаций указывает рост доли молодежи, считающей вступление в брак обязательным жизненным шагом, увеличение положительного выбора в пользу многодетности и совместного проживания с собственными детьми.

5. Тренд на отсрочку матримониальных событий. Несмотря на общую просемейную направленность, устойчивым является тренд на повышение брачного и репродуктивного возраста, что создает демографические риски сокращения репродуктивного окна.

6. Влияние родительской семьи. Исследование подтверждает сильное влияние родительской семьи на репродуктивные установки молодежи.

В результате анализа можно выделить проблемы и риски, связанные с трансформацией матримониальных стратегий молодежи.

Во-первых, риск реализации неэффективных стратегий: значительная доля молодежи, придерживающаяся либеральных (32,8 %) и, в меньшей степени, эгоцентричных (9,4 %) диспозиций, формирует потенциал для реализации неэффективных с государственной точки зрения матримониальных стратегий. Это выражается в рисках отказа от официального брака, отсрочки деторождения, выбора альтернативных форм семейной жизни, что в долгосрочной перспективе подрывает демографическое воспроизводство.

Во-вторых, гендерный ценностный разрыв: различие в матримониальных установках мужчин и женщин (преобладание традиционности среди мужчин против большей либеральности среди женщин) может создавать конфликт ожиданий в партнерских отношениях, осложнять процесс формирования семьи и повышать риск ее дестабилизации.

В-третьих, социально-экономическая детерминация: выявлена прямая зависимость между материальным положением молодежи и значимостью семьи для

них. Экономически неблагополучные молодые люди ценят семью значительно меньше (44,7 % против 66,0 % у благополучных). Низкий уровень жизни остается ключевым барьером для реализации матrimониальных и, в особенности, репродуктивных планов.

В-четвертых, диссонанс между ценностями и поведением: несмотря на декларируемую высокую ценность семьи (любовь как главный фактор вступления в брак – 94,1 %), при анализе причин развода утрата чувств отходит на 5-е место. Это указывает на недостаточную сформированность у молодежи установок на взаимную ответственность, уважение и работу над отношениями как основы прочности семьи.

В-пятых, селективное восприятие рисков при выборе партнера: молодежь демонстрирует низкую осведомленность о рисках, связанных с асоциальными чертами характера партнера (агрессивность, склонность к насилию и др.), считая их маловероятными. Это создает угрозу формирования неблагополучных союзов и последующего распада семьи.

В-шестых, миграционный отток и селекция ценностей: миграционно активная молодежь, ориентированная на карьеру и самореализацию за пределами региона, часто имеет менее традиционные матrimониальные установки. Их отток приводит к изменению структуры регионального молодежного сообщества в сторону большей традиционности и одновременно к потере наиболее амбициозной и мобильной его части.

В этой связи можно предложить рекомендации для органов регионального управления и органов управления государственной молодежной политики:

1. Дифференциация и таргетирование молодежной политики. Разработать отдельные программы поддержки для различных групп молодежи: для учащейся и студенческой – акцентировать внимание на образовательных программах, формирующих осознанное отношение к семье и партнерству; для работающей – меры, совмещающие карьерный рост и создание семьи (гибкий график, поддержка молодых родителей); для сельской – программы улучшения

инфраструктуры и досуга, снижения миграционной привлекательности городов. Учитывая гендерную специфику, важно разрабатывать программы для юношей (укрепление традиционных мужских ролей ответственных глав семей) и для девушек (предоставление возможностей совмещения семьи и самореализации).

2. Активная поддержка экономического благополучия молодых семей. Продолжать и расширять практику предоставления регионального материнского капитала, жилищных программ и субсидий, специально ориентированных на молодые семьи. Стимулировать работодателей к созданию «семейно-ориентированной» корпоративной политики (программы ипотечного кредитования, детские сады при предприятиях, доплаты на детей).

3. Совершенствование системы подготовки к семейной жизни. Интегрировать в учебные программы средних специальных и высших учебных заведений курсы по семьееведению, психология семейных отношений, основам родительства и бюджетному планированию семьи. Создать и популяризировать сеть консультационных центров (в том числе в онлайн-формате) для молодых пар и родителей, где оказывалась бы психологическая, юридическая и педагогическая поддержка.

4. Информационная кампания и работа с общественным мнением. Запустить масштабную информационную кампанию, пропагандирующую успешные модели многодетных и счастливых молодых семей региона, а также ценность ответственного партнерства и взаимного уважения в браке. В публичном дискурсе сместить акцент с романтической составляющей брака («любовь») на ценности ответственности, стабильности, взаимопомощи и уважения как основы долгосрочных отношений.

5. Создание инфраструктуры для знакомств и досуга. Учитывая данные о каналах поиска партнера, поддерживать и развивать социальные пространства для знакомств и общения молодежи: клубы по интересам, спортивные секции, массовые культурные и волонтерские мероприятия, способствующие формированию здоровых социальных связей.



6. Мониторинг и прогнозирование. Придать проводимым мониторингам матримониальных стратегий регулярный и системный характер. Результаты должны оперативно ложиться в основу корректировки региональных демографических и молодежных программ, позволяя гибко реагировать на новые вызовы и тенденции.

Реализация предложенных мер на системной основе позволит закрепить выявленную позитивную динамику, а также нивелировать ключевые риски, способствуя формированию эффективных матримониальных стратегий молодежи как фундамента демографической стабильности Белгородской области.

Исследовательская модель и эмпирические данные могут стать основой для проведения близких по теме прикладных исследований. Полученные социологические данные представляют интерес для социологов, демографов, территориальных органов управления, органов управления молодежной политикой, органов социальной защиты населения, сотрудников воспитательных отделов образовательных учреждений.

Полученные результаты определяют возможность дальнейшего изучения матримониальных стратегий молодежи в следующих направлениях:

– с целью эффективного реагирования на вызовы в сфере государственной и региональной семейной политики необходим ежегодный мониторинг матримониальных стратегий и матримониальных диспозиций молодежи, который будет способствовать получению информации о позициях молодежи, а также выявлению проблемных тенденций;

– проведение межрегиональных исследований по данной теме важно для сравнения региональной ситуации и подтверждения проблемных тенденций или потенциалов формирования и реализации матримониальных стратегий молодежи;

– актуально более углубленное изучение приверженности альтернативным матримониальным стратегиям с целью понимания их восприятия среди молодежи и контроля возникновения рисков увеличения их выбора.

Данные направления исследований в рамках комплексного изучения матримониальных стратегий помогут в создании мер реагирования, разъяснительных работ среди молодежи по профилактике выбора альтернативных матримониальных стратегий, а также в разработке мер популяризации и поддержки традиционных семейных ценностей среди молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гурбан И.А., Мызин А.Л. Системная диагностика человеческого капитала регионов России: методологический подход и результаты оценки. *Экономика региона*. 2012;(4):32–39. <https://doi.org/10.17059/2012-4-2>
- Попова Л.А. Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2022;(2):95–111. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.2.7>
- Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки*. 2021;14(2):121–129. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-121-129>
- Рыбакова О.В., Мокерова Ю.В., Гуарий А.Д. Модели репродуктивного поведения в городской семье: поколенческий конфликт ценностных установок. *Социодинамика*. 2022;(11):44–55. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.11.39129>
- Гафизова Н.Б., Цалко Е.О. Восприятие бездетности современной молодежью (региональный аспект). *Женщина в российском обществе*. 2023;(2):120–132. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.9>
- Вишневский Ю.Р., Дидковская Я.В., Зырянова О.Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи. *Женщина в российском обществе*. 2024;(1):40–55. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.3>
- Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. On the Necessity to Develop Models of Optimal Conditions for the Formation and Implementation of Demographic Attitudes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(4):38–57. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2>

8. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология.* 2020;20(3):527–545. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545>
9. Богданова И.Н., Артамонова Я.В. Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях. *Caucasian Science Bridge.* 2022;5(3):74–82. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.7>
10. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Благополучная молодая семья: поиск баланса между самореализацией и демографическими стратегиями. *ЦИТИСЭ.* 2022;(3):203–214. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.18>
11. Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Семейные ценности современной молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология.* 2023;23(2):138–142. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142>
12. Иванишко А.М. Семейные ценности в структуре ценностей молодежи Пензенской области. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* 2023;(1):112–122. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-11>
13. Ковалчук И.А. Приоритетность традиционных семейных ценностей для современной российской молодежи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2023;(4):65–68. URL: https://online-science.ru/userfiles/file/vypusk_4-2023_g_pdf_oy0wvfljcz.pdf (дата обращения: 09.02.2025).
14. Благорожева Ж.О., Шаповалова И.С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи. *Социальная политика и социология.* 2024;23(2):30–39. <https://elibrary.ru/htxqxm>
15. Шаповалова И.С. Матримониальные диспозиции молодежи как объект социологического анализа. *Научный результат. Социология и управление.* 2024;10(4):167–191. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9>
16. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология.* 2023;23(1):40–60. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60>
17. Сайфуллин Г.П. Эффекты темпоральной асинхронии компонентов готовности молодежи к семейной жизни для демографического поведения. *Теория и практика общественного развития.* 2022;(3):51–58. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.3.7>
18. Попова Н.В., Осипчукова Е.В. Формирование семейных ценностей: мнение молодежи. *Вестник НЦБЖД.* 2023;(1):71–79. <https://elibrary.ru/tvmoqp>
19. Семенцова К.Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2022;12(4):109–113. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113>
20. Ростовская Т.К., Васильева Е. Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью). *Logos et Praxis.* 2023;22(2):67–80. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8>
21. Благорожева Ж.О. Семейные стратегии региональной молодежи. *Научный результат. Социология и управление.* 2022;8(3):91–102. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7>
22. Шаповалова И.С., Заводян И.С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи. *Регионология.* 2024;32(4):768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>
23. Певная М.В., Шуклина Е.А., Киенко Т.С., Тарасова А.Н., Андрианова Т.В., Худякова М.В. и др. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года). *Научный результат. Социология и управление.* 2022;8(3):116–136. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>
24. Благорожева Ж.О. Матримониальные стратегии региональной молодежи. *Научный результат. Социология и управление.* 2024;10(4):89–110. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5>
25. Касаркина Е.Н., Бистяйкина Д.А., Соловьевна Т.В. Добрачные установки и жизненные планы молодежи: социологический анализ. *Современные исследования социальных проблем.* 2018;(6):208–211. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-6-17>
26. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Формирование демографической культуры молодежи как социальная проблема. *Образование и право.* 2023;(11):407–413. URL: <https://education.law-books.ru/образование-и-право-№-11-2023/> (дата обращения: 09.02.2025).
27. Шаповалова И.С. Матримониальные диспозиции молодежи как объект социологического анализа. *Научный результат. Социология и управление.* 2024;10(4):167–191. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9>



REFERENCES

1. Gurban I.A., Myzin A.L. System Diagnostics of the Human Capital State of the Russian Regions: Conceptual Approach and Assessment Results. *Economy of Region.* 2012;(4):32–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/2012-4-2>
2. Popova L.A. Reproductive Attitudes of Young Real Generations under the Strengthened Demographic Policy Measures. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin.* 2022;(2):95–111. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15593/2022-9354/2022.2.7>
3. Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. Reproductive Attitudes in Russian Society: According to the All-Russian Sociological Research. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences.* 2021;14(2):121–129. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-121-129>
4. Rybakova O.V., Mokerova Y.V., Gurarii A.D. Models of Reproductive Behavior in an Urban Family: Generational Conflict of Values. *Sociodynamics.* 2022;(11):44–55. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.11.39129>
5. Gafizova N.B., Tsalko E.O. Perception of Childlessness by Modern Youth: (Regional Aspect). *Woman in Russian Society.* 2023;(2):120–132. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.9>
6. Vishnevsky Y.R., Didkovskaya Y.V., Zyryanova O.B. Matrimonial and Reproductive Attitudes of Youth in the Context of Young Family Safety. *Woman in Russian Society.* 2024;(1):40–55. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.3>
7. Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. On the Necessity to Develop Models of Optimal Conditions for the Formation and Implementation of Demographic Attitudes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.* 2020;13(4):38–57. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2>
8. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Transformation of the Desired Family Model in Different Generations: Results of the All-Russian Sociological Study. *RUDN Journal of Sociology.* 2020;20(3):527–545. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545>
9. Bogdanova I.N., Artamonova Ya.V. Young Family as an “Elusive” Social Phenomenon in Modern Russian Condition. *Caucasian Science Bridge.* 2022;5(3):74–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.7>
10. Rostovskaya T.K., Bezverbnaya N.A. A Prosperous Young Family: Finding a Balance between Self-Realization and Demographic Strategies. *CITISE.* 2022;(3):203–214. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.18>
11. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Contemporary Youth Family Values. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology.* 2023;23(2):138–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142>
12. Ivanishko A.M. Family Values in the Youths’ Structure of Values in Penza Region. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences.* 2023;(1):112–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-11>
13. Kovalchuk I.A. Priority of Traditional Family Values for Modern Russian Youth. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences.* 2023;(4):65–68. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://online-science.ru/userfiles/file/vypusk_4-2023_g_pdf_oy0wvfhjcz.pdf (accessed 09.02.2025).
14. Blagorozheva Zh.O., Shapovalova I.S. The Influence of Alternative Values and Attitudes on the Matrimonial Strategies of Youth. *Social Policy and Sociology.* 2024;23(2):30–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/htxqxm>
15. Shapovalova I.S. Matrimonial Dispositions of Youth as an Object of Sociological Analysis. *Research Result. Sociology and Management.* 2024;10(4):167–191. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9>
16. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Russian Student Family: Determinants of Marriage. *RUDN Journal of Sociology.* 2023;23(1):40–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60>
17. Sayfullin G.P. Effects of Temporal Asynchrony of Family Life Readiness Components on Demographic Behavior among Youth. *Theory and Practice of Social Development.* 2022;(3):51–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.3.7>
18. Popova N.V., Osipchukova E.V. Formation of Family Values: Youth Opinion. *Vestnik NCBZD.* 2023;(1):71–79. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/tvmoqp>



19. Sementsova K.R. Marital and Family Behavior of Young People in Modern Russian Society: Attitudes and Values. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2022;12(4):109–113. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113>
20. Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N. Strategies for Forming the Well-Being of Student Families (By the Results of In-Depth Interview). *Logos et Praxis.* 2023;22(2):67–80. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8>
21. Blagorozheva Zh.O. Family Strategies of Regional Youth. *Research Result. Sociology and Management.* 2022;8(3):91–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7>
22. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies.* 2024;32(4):768–792. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>
23. Pevnaya M.V., Shuklina E.A., Kienko T.S., Tarasova A.N., Andrianova E.V., Khudyakova M.V., et al. Fears of Russian Students in a Situation of Social Uncertainty (Spring 2022). *Research Result. Sociology and Management.* 2022;8(3):116–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>
24. Blagorozheva Zh.O. Typology of Matrimonial Dispositions of Youth as a Basis for Life Choice. *Research Result. Sociology and Management.* 2024;10(4):89–110. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5>
25. Kasarkina E.N., Bistyaykina D.A., Solovieva T.V. Premarital Grounds and Life Plans of Young People: Sociological Analysis. *Modern Research of Social Problems.* 2018;(6):208–211. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-6-17>
26. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. Formation of Demographic Culture of Youth as a Social Problem. *Education and Law.* 2023;(11):407–413. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://education.law-books.ru/образование-и-право-№-11-2023/> (accessed 09.02.2025).
27. Shapovalova I. S. Matrimonial Dispositions of Youth as an Object of Sociological Analysis. *Research Result. Sociology and Management.* 2024;10(4):167–191. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9>

Об авторах:

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Scopus ID: 56728382600, Researcher ID: R-6955-2016, SPIN-код: 2477-0791, shapovalova@bsuedu.ru

Благорожева Жанна Олеговна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1119-9644>, Scopus ID: 57218374064, SPIN-код: 3904-6816, blagorozheva@bsuedu.ru

Вклад авторов:

И. С. Шаповалова – формулирование целей и задач исследования; лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; критический анализ черновика рукописи.

Ж. О. Благорожева – осуществление научно-исследовательского процесса; применение формальных методов для анализа данных исследования; написание черновика рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 30.04.2025; одобрена после рецензирования 07.08.2025; принятая к публикации 14.08.2025.

About the authors:

Inna S. Shapovalova, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, **Scopus ID:** [56728382600](#), **Researcher ID:** [R-6955-2016](#), **SPIN-code:** [2477-0791](#), shapovalova@bsuedu.ru

Zhanna O. Blagorozheva, Cand.Sci. (Sociol.), Senior Lecturer at the Chair of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1119-9644>, **Scopus ID:** [57218374064](#), **SPIN-code:** [3904-6816](#), blagorozheva@bsuedu.ru

Authors' contribution:

I. S. Shapovalova – formulation of research goals and aims; leadership responsibility for the research activity planning and execution; specifically critical review.

Zh. O. Blagorozheva – conducting a research and investigation process; application of formal techniques to analyse study data; specifically writing the initial draft.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 30.04.2025; revised 07.08.2025; accepted 14.08.2025.